

гативів трансформування власності сприятиме орієнтування реформуючих управлінських рішень у інститутах держави та громади на забезпечення відповідності між об'єктами привласнення та його рівнями опосередкування в усіх підсистемах інституціонального середовища.

Література

1. Киндзерский Ю. Институциональные аспекты воспроизводства в контексте структурных трансформаций // Экономика Украины. – 2007. – № 1. – С.4-13.
2. Дементьев В.В. Мотивация собственника и структуры экономической власти // Наукові праці Донецького національного технічного університету. Серія: економічна. – 2007. – № 31-1(117). – С.15-24.
3. Кваснюк Б. Структурная перестройка экономики и ее ресурсы // Экономика Украины. – 2003. – № 11. – С.19-26.
4. Рибалкін В.О., Лазня І.В. Теорія власності. – К.: Логос, 2000. – 279с.
5. Чичинская Й. Й. Собственность в системе экономических отношений социализма. – М.: Экономика, 1986 – 76с.
6. Маркс К. Экономические рукописи 1857 – 1859 годов // Соч. – 2-е изд. – Т.46. – Ч.1. – 552с.
7. Коцюбинський В.Й. Привласнення: соціальні аспекти. – К.: Український центр духовної культури, 1999. – 230 с.
8. Основы экономической теории: политекономический аспект./ За ред. Г.Н.Климка, В.П.Нестеренка.-К.: Вища шк., 1994.–559с.
9. Корниенко В. Общественная собственность как структурная форма // Экономика Украины. – 1994. – № 4. – С.37-44.
10. Экономическая теория / Под ред А.И.Добрынина, Л.С.Тарасевича. – С.Пб., 1997. – 480 с.
11. Основы экономической теории: политекономический аспект./Отв. Ред. Г.Н.Климко.–К.: Знання-Пресс, 1993.–646с.
12. Иноземцев В.Л. Собственность в постиндустриальном обществе и исторической ретроспективе // Вопросы философии. – 2000. – №3. – С.3-11.

Статья поступила в редакцию 20.12.2007

В.Г. ЯРЕМЕНКО, к.э.н., доцент,
ГУ «Институт экономики и прогнозирования НАН Украины»

ИЕРАРХИЧЕСКИЕ И СЕТЕВЫЕ НАЧАЛА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СРЕДЫ СОВРЕМЕННОГО МЕНЕДЖМЕНТА

Структура управляющей подсистемы должна соответствовать характеристикам внешней и внутренней среды. Современный менеджмент строится на комбинировании вертикальных и горизонтальных связей, что может рассматриваться как некоторый аналог иерархических и сетевых оснований хозяйственной системы.

Однако сами сетевые структуры нередко выступают в качестве образования, замещающего фирму. Может ли сетевая структура управляться изнутри? Или же ей необходим внешний управляющий блок? Дело в том, что менеджмент опирается на вертикальную составляющую внутрифирменных структур. Сеть же – структура преимущественно горизонтальная.

Принято считать, что внешняя среда менеджмента, в том числе и сетевая, представляет собой совокупность горизонтальных элементов и связей, поэтому механизм команд там не действует. Согласно такой трактовке внешняя и внутренняя среда менеджмента находятся во взаимной оппозиции по схеме контракт – команда или координация – субординация. Однако такое противопоставление представляется упрощенным. В реальности сложное переплетение иерархических и контрактных начал наблюдается и во внешней среде, и во внутренней.

Иерархическая логика доминирования

© В.Г. Яременко, 2008

ния или господства является фундаментальной составной частью институтов рыночной системы. Рыночный порядок иерархичен, что не мешает хозяйственной системе действовать на началах свободного выбора. Один из коренных недостатков модели рационального выбора и Парето-оптимума заключается в том, что они игнорируют этот латентный иерархический характер рынка. Для неоклассиков исследование экономической реальности проходит в рамках парадигмы «свобода и равенство». На деле хозяйственная система представляет собой не только горизонталь, но еще и совокупность разноуровневых механизмов, связанных между собой вертикальными зависимостями, что может быть выражено формулой «свобода и неравенство».

В научной литературе в последнее время уделяется большое внимание сетевым структурам как универсальному социальному феномену, обладающему широким социально-экономическим содержанием [См.: 1, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12]. Наиболее радикальную теоретическую позицию по данному вопросу занимает М. Кастельс, по мнению которого сетевые структуры знаменуют собой переход к новому качеству глобального социума, где изменяются фундаментальные основания общества[4].

Однако, будет ли разрыв с индустриальными основаниями социума радикальным или щадящим – современная наука не знает. Поэтому необходим дальнейший теоретический анализ противоречивого единства иерархических и сетевых начал в условиях глобальной трансформации, выявление существенных зависимостей между глобальной переходностью и изменениями в социально-экономической среде менеджмента, что и является целью настоящей статьи.

На наш взгляд, принципиально важными в размышлениях М. Кастельса являются два момента. Во-первых, по его мнению, современная ситуация – это ситуация безвременья, отрицания времени, по сути дела приводящая общество к завершению его современного устройства, к концу света. Сжатие социального времени до исче-

зающе малых интервалов способно радикальным образом дестабилизировать все устройство современной цивилизации. Время само по себе – один из фундаментальных механизмов координации социума. Жесткость временных лагов дает субъекту возможность приспособиться, привыкнуть, найти свое место в меняющихся условиях жизнедеятельности. Консерватизм, разумное запаздывание социальных перемен обеспечивают преемственность исторических состояний, целостность субъекта и объекта.

Если время существенных событий в сети сокращается до миллисекунд, как в Интернете, приспособиться к ним, сохраняя себя как целостность, как носителя уникального и одновременно всеобщего качества, невозможно. Уже только по этому надвигающаяся сетевая эпоха может стать эпохой тотальной десубъективации, когда личность, индивид и субъект утратят свое изначальное значение исходной точки в системе социальных координат и уступят место некой новой тотальности.

Во-вторых, для М. Кастельса современная ситуация – это эпоха формирования ценностей, создания культурных кодов и кодексов. Формирование ценностей есть еще и процесс разрушения, стирания старой информации. Сеть как конструкт, в наибольшей степени подверженный хаосу, облегчает решения задачи превращения социальной структуры в социальный материал, в строительные кирпичики нового здания. Эффективность, справедливость, рациональность, стабильность, равновесие как стратегические ориентиры социального устройства отодвигаются в сторону, уступая место конкурирующим ситуативным логикам.

Тот уровень неопределенности, который характеризует современное общество, не может быть признан приемлемым ни с гуманитарно-социальных позиций, ни с позиций рационального использования глобальных ресурсов. В силу информационного примитивизма самоуправляемость сетевого общества является сомнительной. Проблема вертикали и иерархии как обязательного элемента информационного ме-

ханизма социума в ближайшее время будет обостряться в связи с очевидной деструкцией существующего вертикального устройства современной цивилизации, что приводит к утрате управляемости. «Глобализация, работая в «противофазе» с социально-экономическим предназначением и функциями государства, превращает развитие всей мировой экономики в стихийный неуправляемый процесс, чреватый глубокими противоречиями» [2., с.672].

Б. Г. Питерс в своей статье «Глобализация, управление и его институты» [9] отмечает, что в одних и тех же условиях процесс возникновения подобных сетей может протекать по-разному и приводить к совершенно разным последствиям. Если же у схожих организаций не существует единой модели принятия решений, то оценить успешность управления становится чрезвычайно трудно, если не невозможно. В итоге возникает реальная опасность вырождения самого понятия управления, превращения его в бессмысленную тавтологию: что-то произошло и теперь этим чем-то надо управлять. Вновь бросается в глаза параллелизм с различными эволюционными политологическими теориями или идеями руководства «снизу вверх» [9].

Управление является способом существования сложных систем. Если система способна существовать длительное время без явных или латентных управляющих механизмов, возникает вопрос о том, насколько сложной является она. По мнению Б. Питерса, иерархия необходима именно для того, чтобы предлагать обществу определенное направление движения.

Сильный акцент на принципе единичности не может рассматриваться как априорно скомпрометированный. Эффективное государство должно быть независимо от различных общественных сил, включая, по-видимому, и пресловутые «сети» общественных и частных организаций, поскольку они могут попытаться поставить государство под свой контроль, узурпировать социальную власть. Это тем более опасно в ситуации свободного выбора ценностей, о которой говорит М. Кастельс, характеризуя современное состояние глобальной ме-

тасети [4], или ситуации рождения принципиально новых ориентиров и мотивов в действиях производителей и потребителей в условиях сети [12, с.283-94].

Чтобы сеть могла функционировать, ее участники должны одинаково интерпретировать важную информацию, иметь схожие представления и об основных проблемах, с которыми они столкнутся в своей деятельности, и о методах их решения. Это означает, что участники сети должны разделять общие для них ценности. Существования локализованных ценностных образований вполне достаточно, чтобы сеть могла работать. Конфликты и потенциальные противоречия внутри сети могут сниматься путем предоставления участникам этих сетей права самим решать, кто находится внутри, а кто вне их системы, то есть самим выбирать критерии и ценности.

Произвол по отношению к ценностям представляется новой, чуть ли не абсолютной, степенью свободы, доступной человеку только в сетевом обществе. Формула освобождения достаточно проста: социальный релятивизм, отрицание абсолютных ценностей, рамок, границ и запретов и есть абсолютная свобода. Лишенный почвы и корней субъект выступает как творец своей жизни, строящий мир на основе своих интересов и потребностей. Сеть как истинная реальность есть пространство его свободы. Иерархия допустимого, приемлемого и желаемого выводится за скобки такого социума. Все желаемое для субъекта наделяется статусом приемлемого, а значит, и допустимого.

В то же время возможность любую информацию наделять в сети самостоятельным ценностным статусом играет разрушительную роль не только по отношению к формам порядка, построенным на четкой иерархии ценностей, статусов и критериев, но и по отношению к теоретическим конструкциям, их отражающих. «Информационный подход в теории и практике общественной жизни породил возможность и необходимость создания неиерархических, не имеющих очевидной структуры (бессистемных в прежнем смысле) сетевых образований. Такого рода

сетевая модель организации общественного пространства (и пространства, и информации, и реальной деятельности, и общественных отношений, и их когнитивных форм) оказывается основой и для развития соответствующей методологии и парадигмы общественного знания» [3, с. 12-53].

Нередко в науке сеть трактуется как воплощенная нелинейность социального бытия, допускающая любые теоретические модели, главным критерием которых выступает их текущая полезность. Однако вопрос о поиске адекватного теоретического инструментария такая трактовка не снимает. Если признать, что Постмодерн – это надстройка на «старым» модерном, индустриальным обществом, то допустимость прежнего, неоклассического методологического ключа становится очевидной. Мы можем искать следы логики рационального выбора в сетевых структурах, признавая их предельным вариантом рынка, и двигаться дальше на этой основе. Однако как быть, если Постмодерн перестраивает все здание цивилизации, сверху донизу? В этом случае нет другого выхода, кроме как «тестирования» объекта на доступность его свойств старым исследовательским программам, в том числе и неоклассической.

Очевидно, что в сети статусное изменение, если и не исчезает, то дезактуализируется, становится латентным. Критерии «больше-меньше», «выше-ниже» отключаются. В условиях отсутствия четкой самоидентификации контакты между участниками происходят в соответствии с моделью «а ты кто такой?» Понять, «а кто я сам такой?» можно путем практической рефлексии. Это означает, что следующий этап взаимодействия может носить силовой характер. Поэтому сетевое состояние социальной системы является точкой бифуркации, когда невозможно предсказать направление ее дальнейшего развития.

Возникает вопрос: может ли быть какая-то позитивная программа у общества, которое встретилось с всеохватывающим воздействием феномена метасети? Ведь, хотя логика этой метасети и незнакома, в ней приходится жить и работать миллиар-

дам людей. Поэтому нет альтернативы ее постижению как теоретическому, так и практическому. Микроэкономический анализ дает шанс понять некоторые имманентные механизмы сетевого функционирования хозяйственных систем в контексте их эволюции.

Склонность субъектов к вступлению в сетевые структуры определенным образом связана с максимизирующим поведением. При этом сетевые структуры двояко воздействуют на микроэкономический механизм рационального выбора. С одной стороны, ограничивая поле выбора субъекта лишь индексом соседства [См.:1], они уменьшают число доступных и оцениваемых альтернатив, что приводит к снижению уровня полезности. С другой стороны, сетевые структуры очевидным образом ведут к существенной экономии на транзакционных издержках, что равносильно сдвигу бюджетной линии вправо-вверх.

Сетевая структура склонна к расширению, если предельный доход от экономии транзакционных издержек превышает потерю полезности из-за сокращения доступных альтернатив. В противном случае сетевая структура неэффективна и должна сокращаться, тем самым расширяя круг альтернатив. Наконец, сетевая структура будет равновесной, когда ее предельные выгоды транзакционного характера будут равны предельным издержкам потери полезности.

Подробное доказательство данных гипотез на основе обоснования микроэкономической сути сетевых структур требует выяснения их особой институциональной природы и механизмов их функционирования. Стремление субъектов к вхождению в сетевые структуры возникает как реакция на чрезмерное иерархическое усложнение внешней среды. Статус любого субъекта основывается на четких критериях «выше – ниже». Институциональная система в этом смысле изначально иерархична. Она защищает того, кто ниже, но только в том случае, если она исполняет институциональные предписания. В то же время и для субъектов высшего уровня власть над другими субъектами доступна только через

институциональный механизм.

Необходимость действовать в условиях многоуровневой и многосвязной среды усложняет соизмерение альтернатив. Если выбор становится слишком сложным, субъект может использовать механизмы суррогатного выбора, когда резко ограничивается круг учитываемых альтернатив и тем самым снижаются издержки выбора и риски ошибки: «Оценивая потенциально большие, но связанные с риском выгоды, которые ему сулят сделки с новыми партнерами, экономический агент может предпочесть меньший, но зато гарантированный выигрыш от взаимодействия со старыми контрагентами» [8].

Поскольку круг оцениваемых альтернатив органичен индексом соседства, то в сети достигаемая полезность обычно меньше потенциальной полезности субъекта при данных возможностях рынка. Это обусловлено тем, что в суррогатном выборе исключаются реально существующие альтернативы, оценка которых представляется субъекту излишней, затрудненной или необязательной.

Субъект формирует свои микросети из близлежащих контрагентов, достигая благодаря этому экономию времени, креативного ресурса и высвобождая эти ресурсы для решения более настоятельных (важных) задач. Чем выше компетентность и ресурсная обеспеченность субъекта (иерархический потенциал), тем меньше он склонен к замыканию в сети в процессе выбора, тем выше уровень достигаемой им полезности.

Эти рассуждения позволяют сделать предположение о множественности уровней полезности субъекта, которая носит иерархический характер. Есть низшие уровни равновесия, где субъект соглашается на сеть и ведет себя конформистски, следуя общепринятым практикам. И есть высшие уровни равновесия, где выбор субъекта максимально креативен, профессионализирован.

Сети подвержены взаимному оппортунизму участников, когда стремление к минимизации издержек поиска информации порождает своего рода всепрощенче-

ство покупателей и продавцов. Например, со стороны продавцов это может быть максимально либеральная дебиторская политика, потому что им недосуг заниматься ресурсоемкими сложными маркетинговыми технологиями продвижения своих товаров. Со стороны покупателей может наблюдаться встречное движение как согласие с любыми условиями поставки в рамках привычной сети, лишь бы это не обременяло излишними размышлениями и оценками.

Тактика взаимных уступок как способ минимизации издержек поиска информации снижает актуальные информационные потребности и приводит к утрате невостребованной информации. Поэтому на определенном этапе такая сеть приобретает ярко выраженный энтропийный характер и начинает вырождаться. Если же субъект не согласен на дальнейшее снижение уровня полезности, он вынужденно начинает поиск.

Таким образом, в условиях вырождающейся сети максимизация полезности превращается в поиск нового уровня равновесия, что сопровождается резким ростом транзакционных издержек, который может быть компенсирован только реальным приростом полезности субъекта. В этот момент интегрированная функция полезности субъекта перестает быть непрерывной и гладкой.

Сеть не обладает «выделенными» направлениями, поэтому она наилучшим образом подходит для диффузии ресурсов, знаний и умений. Выработка и генерирование знаний и ресурсов – удел иерархических структур. Они сверху обеспечивают «засев» социально-экономического пространства зернами инноваций, охватывая максимальную поверхность.

Плоские сети строятся на принципах последовательности и аддитивности, им не доступны туннельные эффекты. Демократический характер сетевых систем делает доступными новые ресурсы и технологии не только для конкурирующих активных субъектов, участвующих в развитии, но и для выжидающих субъектов, не по заслугам, а вследствие неизбежной диффузии.

Рассеяние информации и ресурсов в сетях делает их важным элементом энтропийного механизма социума, отвечающего за функцию забывания, упрощения, примитивизации. Эффективность системы снижается. Это высвобождает социальное пространство для новых технологий, институтов и рыночных структур и порождает потребность в замещении уходящих технологий новыми. Тем самым сетевой этап эволюции системы подготавливает ее для инновационного рывка.

Преимущества иерархической системы с выделенными направлениями заключается в том, что она устанавливает единство элементов, непосредственно с собою не связанных. Количество практически доступных вариантов и альтернатив растет по законам комбинаторики, жесткий детерминизм сетей уступает место стохастическим механизмам, поэтому изменения не то что более вероятны, а обязательны. Отход от принципа эквивалентного обмена нарушает Парето-оптимум и выводит часть экономических ресурсов из-под жесткого детерминизма максимизации полезности. Благодаря наличию относительно свободных ресурсов множество эволюционных ситуаций в иерархических структурах является содержательным.

Можно сделать обратное предположение: сетевые структуры микроэкономического типа (то есть исчерпывающим образом описываемые с помощью функции максимизации полезности) обладают минимальным эволюционным потенциалом. Это становится понятным, если учесть, что максимизация текущей полезности, достигаемая в стабильных сетях, предполагает полное использование имеющихся ресурсов, не оставляя практически ничего для развития.

Р. Нельсон и С. Уинтер, анализируя селекционную среду эволюционного процесса, выделили два способа распространения инноваций: вертикальный (иерархический) как рост фирмы-новатора и горизонтальный как массовая имитация или диффузия [6, с. 343]. В структуре селекционной среды наиболее важны четыре элемента: определение ценности (или рента-

бельности), актуальное для фирм данного сектора; способ, которым потребитель или регуляционные предпочтения оказывают влияние на определение рентабельности; процессы инвестирования; процессы имитации [6, с. 343].

Неопределенность инновационных основ эволюции хозяйственных систем уравнивается четкостью и однозначностью ценностей. Ценности могут интегрировать разнородны, и даже противоположные интересы. Низкие эволюционные возможности хозяйственных систем сетевого типа способствуют снижению коммуникативного потенциала ценностных оснований социума. «Фрагментация и правового, и морального пространства означает укрепление локальных порядков. Последнее становится дополнительным фактором сегментации рынка: границы между сегментами устанавливаются не только ценовыми, технологическими или социальными, но и нормативно-ценностными барьерами. Удовлетворенность локальным порядком снижает стимулы к тому, чтобы индивид прилагал усилия к поддержанию универсального порядка, например, в масштабах национального рынка» [6].

Можно сделать вывод, что механизм сетевой самокоординации не исключает возможности спонтанного перехода к режиму вырождения сети. В свою очередь, сетевая деградация будет актуализировать простые формы менеджмента, основанные на иерархии и координации. Информационно-технологические факторы институциональных изменений приблизились к порогу глобальной деструкции, которая может положить начало всеобщей перестройке системы статусов. Как учит пережитый нами в 90-е годы опыт переходной экономики Украины, на это время можно забыть о рациональном использовании ресурсов, социальной справедливости и гармонии.

Литература

1. Аладьев В.З. Однородные структуры. Теоретические и прикладные аспекты. – К.: Техника. 1990. – 272 с.

2. Анилионис Г.П., Зотова Н.А. Глобальный мир: единый и разделенный. Эволюция теорий глобализации. – М.: Международный. отношения, 2005. – 676 с.
3. Бузгалин А.В. Постмодернизм устарел... (закат неолиберализма чреват угрозой «протоимперии»). / Экономическая теория в XXI веке – 1 (8): Экономика Постмодерна / Под. Ред. Ю.М. Осипова. – М.: Экономистъ, 2004. – 752 с. – С. 12-53
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура : Пер. с англ./ М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
5. Ливитт Г.Дж. Сверху вниз: Почему не умирают иерархии, и как руководить ими более эффективно. – СПб.: Стокгольм. шк. экономики в Санкт-Петербурге, 2005. – 213 с.
6. Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. – М. Дело, 2002. – 535 с.
7. Нургалева Л.Н. Дихотомия статусной и внестатусной структуры в условиях развития сетевого общества // [Электронный ресурс] Режим доступа: http://huminf.su.ru/e-jurnal/magazine/1_nurgalieva.htm
8. Олейник А. Модель сетевого капитализма // Вопросы экономики. – 2003. – № 8. – С.132-149.
9. Питерс Б. Г. Глобализация, управление и его институты // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=17&article=808>
10. Сапир Ж. К экономической теории неоднородных систем. Опыт исследования децентрализованной экономики. – М.: ГУ ВШЭ. – 2001. – 247с.
11. Уильямсон О. Экономические институты капитализма. – СПб. – Лениздат. 1996. – 702 с.
12. Усик Н. И. О концепции сетевого управления в экономике Постмодерна./ Экономическая теория в XXI веке – 1 (8): Экономика Постмодерна / Под. Ред. Ю.М. Осипова. – М.: Экономистъ, 2004. – 752 с. – С. 283-294.

Статья поступила в редакцию 26.12.2007

Е.В. МАРТЯКОВА, д.э.н., с.н.с.,

Институт экономики промышленности НАН Украины

ИННОВАЦИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

На современном этапе формирования социально ориентированной экономики вопрос человеческого развития приобретает все более пристальное внимание. Роль человека в экономической системе общества сводится к рассмотрению его не только в качестве важнейшего элемента процесса производства и управления, но и как мощного и перспективного ресурса, обладающего богатым потенциалом и способностью к саморазвитию. В настоящее время только благодаря использованию такого специфического ресурса, как человек, его знаний, умений, навыков, возможно достичь значительного преимущества на рынке. В то же время для разумного и эффективного использования человеческого потенциала требуется применить соответствующий механизм, своеобразный инстру-

ментарий, представляющий собой совокупность различных форм, методов, посредством которых реализуется возможность осуществления управляющих воздействий на человека. В силу этого вопрос человеческого развития и экономического механизма его инновационного регулирования заслуживают особого внимания и являются особенно важными и актуальными.

На современном этапе дальнейшее распространение идей человеческого развития трансформируется в теорию человеческого капитала, которая является закономерным результатом развития экономической и философской мысли. Многие известные ученые исследуют челове-

© Е.В. Мартьякова, 2008